

О НАСИЛИИ И ПРИНУДИТЕЛЬНОЙ ЖЕРТВЕННОСТИ В СВЕТСКОЙ И РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ

М.Н. МИРОНОВА

В статье раскрывается один из возможных подходов к проблеме насилия: он состоит в том, что причина насилия связывается с феноменом инфантильного симбиоза, в частности, с симбиотической сопряженной доминантой. Поясняется суть феномена сопряженной симбиотической доминанты, приводятся иллюстративные схемы, рассматриваются режимы работы сопряженной симбиотической доминанты в процессе нормального развития ребенка и варианты извращенной работы в случае инфантильного симбиоза. Приводятся психологические описания случаев скрытого насилия и принудительной жертвенности в контексте предложенного подхода. Затрагивается религиозный аспект проблемы.

Ключевые слова: инфантильный симбиоз, сопряженная симбиотическая доминанта, симбиотическая жертвенность.

Преподобный Максим Исповедник, который составил свою классификацию страстей, основными из них считал три: «плотское самолюбие» (плотоугодие), «насильничество» и «неведение», из которых развивается вся остальная толпа страстей [Епифанович, 1996, с. 81, 106]. В соответствии с его взглядами, «насильничество» — корень примерно трети всех страстей человеческих, корень невидимый, глубоко спрятанный, малоизученный. В книге пророка Аввакума, спросившего у Господа, почему Он терпит насилие и насильников, Господь отвечает, что и для них придет горе. Однако это «относится к определенному времени и говорит о конце» [Авв. 2]. Оставим эсхатологический вопрос — «как близко мир подошел к своему концу?» — богословам и философам, а сами попытаемся разглядеть корень множества страстей с психологической точки зрения, не удержавшись при этом от того, чтобы предложить, к уже существующим, еще один подход в объяснении насилия. Конечно же, он не будет всеохватывающим и

единственно возможным, но все же надеемся, что от него может быть некоторая польза.

В современной психологии при описании феноменов, связанных с преступлениями и насилием, в последнее время используется понятие «стокгольмский синдром» [Агаджанов, 2008, с. 6–20]. Суть его заключается в возникновении устойчиво-положительной эмоциональной связи, напоминающей семейную, между преступниками и людьми, удерживаемыми ими в качестве заложников. Такая связь обычно устанавливается на третий день пленения. Жертвы преступников начинают чувствовать себя членами преступной группы, видят насильников как добрых и порядочных людей, иногда даже пытаются пожертвовать своей жизнью ради них, заградить собой преступников в ситуации штурма, предпринимаемого властями, а после того, как преступники бывают схвачены, ходатайствуют об их прощении. Н.Н. Пуховской, исследовавший этот феномен в г. Буденновске при взятии заложников группой Ш. Басаева, выделил три наиболее характерных типа поведения заложников:

1. Психическая регрессия с «примерной» инфантильностью и автоматизированным подчинением.
2. Демонстративная покорность, стремление заложника «опередить приказ и заслужить похвалу» со стороны террористов.
3. Хаотичные протестные действия, отказ подчиняться, провоцирование конфликтов с террористами.

Очевидно, что два первых типа поведения характерны для проявления «стокгольмского синдрома». Предполагается, что «стокгольмский синдром» проявляется и в ситуациях похищения людей.

Следствием данного феномена является неожиданная и резкая перестройка эмоциональной и ценностно-смысловой сферы личности заложников. Психология экстремальных ситуаций пока не объяснила природу «стокгольмского синдрома». Но есть возможность попытаться сделать это. Важными здесь будут являться представления о *регрессии личности*, инфантильности и сопутствующем им явлении *симбиоза*, которые существуют в других направлениях психологии, в частности, в психологии развития человека, а также учение о доминанте. Обращение к таким далеким, казалось бы, от нашей темы областям психологии и психофизиологии не случайно: известно, что экстремальная ситуация провоцирует возникновение нерелексированных проявлений психической активности, актуализацию глубинных уровней психической организации, снижение уровня автономности личности и волевой регуляции, дезорганизацию процессов смысло-

бразования и целеполагания. Все это одним словом можно обозначить как регресс личности.

Одним из следствий здесь является актуализация эмоционального симбиоза. Симбиоз в биологии означает длительное сожительство организмов, которое приносит им взаимную пользу. В психологии симбиоз означает предельную форму психической зависимости. По мнению В.И. Слободчикова, всякое человеческое объединение представляет собой систему связей и отношений; «в симбиотической сращенности отношения практически отсутствуют, действуют только связи» [Слободчиков, Исаев, 1995, с. 173]. Е.Т. Соколова считает: симбиоз представляет собой экстремальную форму взаимозависимости (вплоть до слияния), в которой теряется индивидуальность [Соколова, 1995, с.92]. Вместо ясно очерченной и дифференцированной структуры «Я—Другой» возникает «пра—мы» (Л.С. Выготский). Открытость границ Я создает неизбежную опасность вторжения и насилия Другого, поэтому инфантильный *симбиоз рассматривается как один из видов насилия*.

Е.Т. Соколова также считает, что эмоциональный симбиоз является общим пусковым механизмом для широкого круга пограничных заболеваний, личностных расстройств и девиаций поведения. С точки зрения Э. Фромма, инфантильный симбиоз является причиной неплодотворных ориентаций характера: рецептивной и эксплуататорской, а также авторитарности, садомазохизма, некрофилии [Фромм, 1992, 1993, 1994].

С нашей точки зрения, он также является причиной профессиональных деформаций в профессиях «человек-человек», играет ключевую роль в феноменах нарушения границ личности, со-зависимости, так называемых «скрытых, резервных возможностей психики», суггестии, культизма и сектантства, в известном в Церкви феномене лжестарчества. Таким образом, у очень широкого круга психических явлений корень один и тот же — инфантильная симбиотическая связь. Попытаемся обратиться за разъяснением природы симбиотической связи и причин ее причастности к феноменам насилия к учению А.А. Ухтомского о доминанте.

Доминанта — это «временно господствующий набор рефлексов, который направляет в данный момент времени все поведение организма для решения одной, наиболее важной для него задачи» [Слободчиков, Исаев, 1995, с. 244]. Сам А.А. Ухтомский толковал доминанту не только как явление на физиологическом уровне, но и расширительно, как универсальный человеческий принцип, давая тем самым повод для «завязывания» психологических и физиологических

межпредметных связей. По мнению некоторых современных ученых (Т.А. Флоренская, В.П. Зинченко, М.Г. Ярошевский), доминанта формирует ведущее направление деятельности человека и определяет собой восприятие мира.

А.А. Ухтомский под доминантой понимал «устойчивый очаг повышенной возбудимости центров... причем вновь приходящие в центры возбуждения служат усилению (подтверждению) возбуждения в очаге, тогда как в прочей центральной нервной системе широко разлиты явления торможения» [Ухтомский, 1978, с. 9-10]. Поначалу он предполагал, что доминантный процесс происходит в одном и том же центре. «Для нашей лаборатории процесс возбуждения самым интимным и непосредственным образом связан с процессом торможения, т.е. один и тот же рефлекс, протекающий на наших глазах при тех же раздражениях... может перейти в явление тормоза в этих же самых центрах» [Ухтомский, 1978, с. 88-89]. Но в последующем в его работах все четче проявляется двойственный характер доминантных изменений: нарастание возбуждения в одном месте и сопряженное торможение в другом [Поршневу, 1974, с. 244, 309]. Принцип доминанты делится надвое: сопряженное торможение — целая половина принципа доминанты. «Симптомокомплекс доминанты заключается в том, что определенная центральная группа... в первую голову принимает на себя текущие импульсы, но это связано с торможениями в других центральных областях...» [Ухтомский, 1978, с. 309]. Или: «При развитии доминанты посторонние для доминирующего центра импульсы, продолжающие падать на организм, не только не мешают развитию текущей доминанты, но и не пропадают для нее даром: они используются на подкрепление ее текущей рефлекторной установки... и на углубление сопряженных торможений в других рефлекторных дугах» [Там же. С. 327].

Позже учение А.А. Ухтомского о доминанте уточнил Б.Ф. Поршневу, который ввел понятие о сопряженной тормозной доминанте. Согласно предложенному им взгляду, «всякому возбужденному центру, доминантному в данный момент в сфере возбуждения, сопряженно соответствует какой-то другой, в этот же момент пребывающий в состоянии торможения» [Поршневу, 1974]. Получается следующая схема: аппарат доминанты состоит из двух взаимосвязанных нервных аппаратов, работающих сопряженно, — из доминирующего центра возбуждения ДВ (работающего «по Павлову», по принципу безусловных и условных рефлексов) и соответствующего ему доминантного центра, пребывающего в состоянии торможения ДТ (работающего «по Ухтомскому»), или тормозной доминанты [Поршневу, 1974, с. 261].

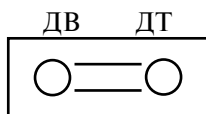
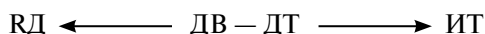

Рис. 1

Работу такого аппарата можно записать следующим образом:

где:

ДВ — доминантные центры возбуждения;

ДТ — доминантные центры торможения;

RD — рефлекторные дуги, организующие поведение;

ИТ — иррадиация торможения, разлитая в ЦНС.

Согласно Б.Ф. Поршневу, из этих двух взаимосвязанных аппаратов более мощным, более сложным, онтогенетически более поздним, энергетически более дорогим является тормозная доминанта. Механизм возбуждения — это генетически низший, собственно рефлекторный субстрат, он остается одним и тем же на разных уровнях онтогенетического развития. Переменная, усложняющая величина — противостоящее ему торможение, которое в процессе онтогенетического развития постоянно совершенствуется и определяет собственно человеческое поведение.

Ранее автором статьи описана сопряженная симбиотическая доминанта (ССД) как основной механизм симбиотической связи [Миронова, 1998, с. 58-64]. Работа ССД рассматривалась через понятие доминанты и принципа сопряженного торможения, кроме того, в нем учитывались все те моменты, которые известны о симбиозе в психологии.

Итак, известно, что в раннем онтогенезе мать и ребенок находятся в состоянии симбиоза, поэтому и аппарат доминанты формируется на основе симбиоза. Вероятно, в этом случае в разных психологических направлениях его описывают и в других терминах: «родительская доминанта», бондинг. В отечественной психологии — это и представление о том, что для младенца взрослый человек — центр всякой ситуации, ее смысл определяется этим центром [Слободчиков, Исаев, 2000, с. 235]. Формулой сознания в этом возрасте является «пра-мы», формой общения — «сопричастность» (А. Леви-Брюль). У ребенка нет сознания как самосознания, позволяющего судить о собственном существовании, его сознание — вплетенное в совместную жизнедеятельность сознающее впечатление [Там же. С. 237-238], это сознание

не принадлежит ребенку как отдельному индивиду. Симбиотическую связь между родителями и ребенком можно описать и библейской метафорой «прилепиться», «одна плоть», и психологическим термином «аффилиация». Тем не менее, наука пока не может точно сказать, что же является тем «клеем», который осуществляет связь, выполняет функцию «прилепления» сознания одного человека к сознанию другого; и что является той тканью, которая образует собственно сознание. Между тем, в христианской антропологии существует мнение, что душа бестелесна только относительно тела¹, и материя души, в частности, ее низшей части — «плоти»² — существует, она иная, нежели телесная, более тонкая. Вполне возможно, что именно через «плоть», в этом понимании, объединяются мать и ребенок, т.е. у матери и ребенка — одна общая «плоть».

Симбиотическая доминанта необходима потому, что у ребенка нет возможности формировать свои доминантные центры торможения: организм ребенка еще «не вытянет» их энергетически дорогую работу и сложное устройство. Но для того, чтобы расти и осуществлять собственно человеческое поведение, ребенку нужна полноценная сопряженная доминанта, состоящая как из центров возбуждения, так и из центров торможения. Поэтому мать и ребенок «прилепляются» друг к другу в симбиозе, образуя совместную работу нервных центров благодаря симбиотической сопряженной доминанте. В психологическом плане это означает включения Я ребенка в Я матери.

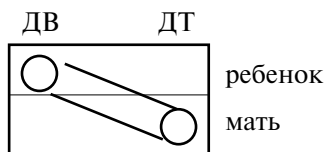
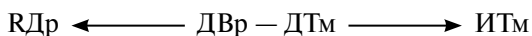

Рис. 2

¹ Например, у прп. Иоанна Дамаскина о бестелесности души: «Бестелесное же ... по сравнению с грубым веществом» [2007, с.178].

² Термин «плоть» в христианской антропологии иногда равнозначен термину «тело», но иногда они различаются. Плоть в этом втором случае — это низшая часть души, тесно связанная с телом [свщ. Андрей Лоргус, 2003, с. 61-88]. Для психологического анализа именно это понимание является плодотворным и используется в данном тексте.

Такую симбиотическую сопряженную доминанту (ССД) можно описать следующим образом:

здесь:

ДВр — доминанта возбуждения ребенка;

ДТм — доминанта торможения матери;

РДр — рефлекторные дуги ребенка;

ИТ — иррадиация торможения в ЦНС матери.

Мать в этом симбиотическом единстве как бы отдает ребенку свою тормозную доминанту, обеспечивая, таким образом, устойчивую работу центров возбуждения ребенка, сама же при этом испытывает иррадиацию торможения. Этим объясняется многое в психологии матери, кормящей и взращивающей младенца, — она вся устремлена к нему и забывает о себе: она отдает себя. В результате у ребенка появляется возможность осуществлять свою рефлекторную деятельность уже не только «по Павлову», кроме того, постепенно вызревают собственные сопряженные тормозные доминанты (пока еще симбиотические).

Для обеспечения торможения необходимы большие энергетические затраты, то есть такой симбиоз не является равноправным, один организм находится в льготном положении за счет другого: мать жертвует свои силы, часть своего Я ребенку. Необходимо иметь в виду, что симбиотический уровень регулирования жизнедеятельности не является единственным ни для матери, ни для ребенка. Для матери он включен в иерархию всей смысловой сферы личности, материнство связано со всей гаммой общечеловеческих смыслов, выстроенных иерархически в процессе нормального развития личности. Женщина «...спасется через чадородие, если пребудет в вере и любви и в святости с целомудрием» [1 Тим. 2: 15], ее жертва в пределе — ради Бога, поэтому может стать спасительным подвигом. В этом случае симбиоз работает, но не правит; доминирует же духовное. В норме симбиоз — раб, подчиненный механизм.

Отсутствие симбиоза с матерью в раннем детстве для ребенка практически невосполнимо: в этом случае устойчивая работа сопряженной симбиотической доминанты не организована, ребенок страдает тотально; под вопросом оказывается не только физическое, но и душевное развитие, последствия сказываются на всей судьбе, всей жизни.

Возможен и другой вариант ССД (рис. 3), более поздний, когда развивающиеся тормозные доминантные центры ребенка включаются в состав ССД и создают иррадиацию торможения, а рефлекторные

дуги ребенка определяются доминантой возбуждения матери. В этом случае ССД выполняет функцию безусловного управления со стороны матери поведением ребенка. Ребенок при этом заторможен, послушен. Теперь мать находится в энергетически льготном положении, что может служить объяснением тому факту, что некоторые матери не стремятся отпускать ребенка в свое время на свободу.

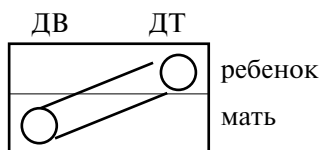
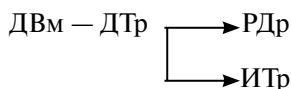

Рис. 3

Это можно описать следующим образом:

Симбиотический аппарат доминанты сохраняется до тех пор, пока у ребенка не созревает собственный, после чего должно произойти постепенное «угашение» симбиотической связи как нецелесообразной, выполнившей свою развивающую и обеспечивающую жизнедеятельность функцию. По современным представлениям, почти полное «угашение» в норме происходит примерно к 22 годам. При этом любовь между матерью и ребенком, конечно же, сохраняется, но она приобретает иное качество, восходит к иным смыслам и регулируется иными механизмами: связь уступает место отношениям. Вновь вспомним библейское «прилепиться»: «...оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей и будет одна плоть» [Быт. 2: 24]. Это слово, ввиду значимости явления, на которое оно указывает, затем повторяется в Священном Писании много раз: в Евангелии от Матфея [Мф. 19: 5], Марка [Мк. 10: 8], в послании Апостола к Ефесянам [5: 31]. Симбиоз, таким образом, узаконен только как семейная, интимно-родственная связь, которая должна иметь и свое время, и свои ограничения.

Но в реальности «угашение» происходит не всегда. По этому поводу Э. Фромм пишет: «Мать не только должна вытерпеть отделение ребенка, но должна сама этого хотеть и способствовать этому... И именно на этой стадии многие матери не справляются с задачей материнской любви» [Фромм, 1992, с. 137]. И тогда неугашенный симбиоз приоб-

ретаает качественно иной статус инфантильного механизма, злокачественную функцию, позволяет одному человеку эксплуатировать другого, паразитировать на его организме, мучить его, превращается в механизм, делающий одного человека жертвой насилия другого. Еще одной причиной «неугашения» может быть случай, когда ребенок по тем или иным причинам потерял мать, его аппарат тормозных центров не имел нормальных условий для созревания, поэтому в качестве компенсации возникла ненасыщаемая потребность в симбиозе.

Неугашенная симбиотическая доминанта может существовать в двух формах:

- 1) между взрослым уже ребенком и его родной матерью;
- 2) между психологическими матерью и ребенком, т.е. людьми, замещающими мать и (или) ребенка в симбиозе.

Вот как это происходит в первом случае:

а) Мать по-прежнему участвует в создании тормозных доминант взрослого, уже «перезревшего» ребенка. Она частично или полностью обеспечивает тормозную часть доминантного аппарата ребенка, а взрослый ребенок — только часть возбуждения. В этом случае взрослый уже ребенок находится в энергетически льготном положении в симбиозе, то есть фактически является эксплуататором матери (рис. 2), но собственные его тормозные центры недоразвиты и все более деградируют. В случае смерти матери такой человек оказывается абсолютно беспомощным, и, чтобы выжить, ему приходится искать замену матери;

б) Мать и взрослый ребенок меняются функциями, то есть мать эксплуатирует тормозные доминанты выросшего ребенка (рис. 3), находится в энергетически льготном положении. У выросшего уже ребенка нет собственных желаний, он заторможен, подавлен, живет жизнью матери, т.к. его поведение организуется ею. Взрослый ребенок тяготеет положением жертвы, но сделать что-либо сам обычно не в силах, ему нужна помощь специалиста. Мать же делает все, чтобы сохранить симбиотические цепи, она даже может поменяться местами в ССД со своей жертвой и стать психологическим младенцем. Процесс может зайти слишком далеко — истощенная жертва начинает болеть, а затем может погибнуть.

Случай из практики: богиня Кали

Пожилая женщина семидесяти семи лет после смерти мужа приехала к сыну сморщенной старушкой. Прожив у него около года, она стала наливаясь силами и выглядела так, как будто сбросила десяток лет. Сын же ее худел и увядал на глазах. Он терял аппетит и, в конце концов, стал

абсолютно отказываться от пищи, которая вызывала у него отвращение. От предложенной госпитализации он отказался, так как мать считала, что в больнице ему станет хуже. Когда же лечащий врач стал настоятельно рекомендовать госпитализацию, объяснив, что в противном случае есть угроза для жизни, мать заявила, что уж если сыну судьба умереть, то пусть умирает у нее на глазах, и не отпустила сына в больницу.

Мать явно обладала даром внушения. Она постоянно твердила сыну, какой он несчастный, невезучий, больной, «бедненький», что он болен, что должен уйти на инвалидность, посылала его к врачу. Но сын возражал, что ему нечего говорить врачу: он вполне здоров. Тогда она учила, чтобы он жаловался, что, мол, все болит, якобы один раз пожалуешься, два, а на десятый раз врач вынужден будет поверить. После этих внушений он действительно заболел или с ним случалась какая-либо неприятность. Это всегда было поводом сказать гордо: «Я же говорила...».

Сын не только худел, но постепенно терял свои прежние привычки и увлечения, круг его интересов сужался, и, в конце концов, ограничился только заботой о питании матери. Он постоянно пребывал в депрессии или испытывал приступы агрессии, направленной в присутствии матери против жены или сына. Он стал безразличен к своему здоровью и жизни, не однажды высказывал мысли о самоубийстве. В присутствии матери он выкрикивал проклятия в адрес жены; по словам жены и сына, это выглядело нелепо, чувствовался как бы насильственный характер этих действий. В отсутствии матери он старался возвратиться к прежним отношениям с женой, извинялся, и казалось, что он сам понимает нелепость происходящего, но отказывался обсуждать ситуацию, ссылаясь на свою усталость, на то, что у него нет никакой воли что-либо изменить, просил не мучить его больше.

Иллюстрацией к тому, насколько необычны были отношения сына и матери, является такой случай. Однажды оказалось, что в семье сына денег нет, и занять их не у кого: все знакомые в таком же положении. А у матери деньги были. Только занимать у нее ни в коем случае нельзя — у сына как будто существовало на это табу. Невестка же считала, что занять можно. Когда сын с женой поехали вместе на дачу, жена решила убедить мужа попросить денег в долг у матери. Ей очень долго пришлось его уговаривать, и, наконец, он согласился занять 50 рублей. Когда они приехали домой, то мать, которой еще никто ничего не сказал, стала демонстративно рыдать, а потом бросила сыну 50 рублей со словами: «Подавитесь».

Если причиной потребности в инфантильном симбиозе является ущерб раннего развития (эмоциональная депривация ребенка, ранние психические или соматические травмы) или утрата способности создавать тормозные доминанты в результате более поздних психических или соматических травм, и организм просто не может выжить без симбиоза, то очевидно, что такого человека нельзя назвать насильником или эксплуататором — он сам жертва указанных обстоятельств. У прп. Иоанна Дамаскина есть пояснение различия между добровольным и

невольным в действиях человека: «...одно из невольного бывает по причине насилия, другое — по причине неведения. По причине насилия — всякий раз, как производящее начало или причина бывает извне, то есть всякий раз, как мы бываем вынуждаемы другим, совершенно не склоняясь на его убеждения, и всякий раз, как мы не содействуем собственным усердием, и совершенно не помогаем...» [прп. Иоанн Дамаскин, 2007, с. 207-208]. А раз так, то применять термин «насилие» во всех случаях симбиоза неправомерно — все зависит от конкретных обстоятельств жизни конкретного человека.

Другое дело — наличие специфической внутренней мотивации: осознанное или неосознанное стремление к энергетической выгоде, экономии сил за счет другого, установка на обладание другим человеком, на использование его как вещи.

Условимся в общем случае называть того человека, который в ССД обеспечивает тормозную доминанту, донором, а того, который ее использует, — акцептором. Эти термины заимствованы из физики, где донорно-акцепторная связь используется при описании работы полупроводников и не имеет никакой этической окраски.

Конечно, практически ни один из тех людей, кто является акцептором в симбиозе, не осознает своей инфантильной связи и ее истинной роли в своей жизни и жизни других людей. И только когда насилие осуществляется по свободному выбору, когда эксплуатация других людей есть осознанная ценность, мы имеем право говорить не об акцепторах и донорах в симбиозе, но об истинных насильниках, и их жертвах.

Степень, глубина симбиоза может быть различной; в одних случаях доминантный аппарат может работать как самостоятельно, так и в симбиозе, с образованием симбиотических доминант только на отдельные «предметы»; в других же, крайних случаях, доминантный аппарат работает практически только в симбиозе.

В одних случаях сопряженная симбиотическая доминанта может служить для образования рефлекторных дуг донора при возбуждении соответствующих центров акцептора, здесь речь может идти о некритическом выполнении каких-либо действий донором по желанию акцептора (рис. 4). Собственная рефлекторная деятельность донора в такой ситуации подавлена, что наносит безусловный вред его организму и личности.

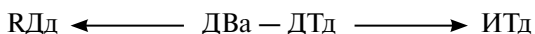

Рис. 4

При обучении экстрасенсов и суггестологов осваивается навык «страстно» желать того, что необходимо внушить клиенту, и можно предположить, именно потому, что это обеспечивает необходимую доминанту возбуждения. Возможно, это как раз то, что «в народе» сейчас называют «зомбированием». Другим названием феномена, обозначенного этой схемой, может быть термин «автоматизированное подчинение».

При более глубокой степени регрессии акцептор становится психологическим младенцем, используя донора только как носителя тормозных доминант, сам же организует свое поведение по своему желанию в облегченном режиме (рис. 5), т.к. на создание тормозной доминанты требуется гораздо больше энергии, чем на создание центра возбуждения.

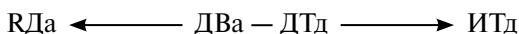

Рис. 5

Можно предполагать, что этой схемой описывается механизм так называемого в быту «энергетического вампиризма». Как мы видим, никакого прямого «похищения энергии» в этом случае не происходит, но эксплуатация, паразитизм действительно имеют место. Кроме того, наблюдается хорошо известный в психологии эффект ингибиции. Донор впадает в состояние заторможенности и апатии. Ему становится трудно двигаться, мышление и речь замедлены. Донор в этом случае быстро истощается, болеет, иногда и умирает раньше срока. Акцептор может использовать не одного донора, а многих. Так, в восточных культурах существует традиция: стареющие правители заводят гарем из огромного числа наложниц, которые далеко не всегда вступают с ним в интимные отношения в буквальном смысле этого слова, но всегда бывают рядом с повелителем, что должно оказывать на него омолаживающий эффект.

Еще одним эффектом подобной ССД является «принудительное дарение» (термин принадлежит Б.Ф. Поршневу), то есть неодолимая потребность отдавать то, что требуется насильнику. Предметом «принудительного дарения» может быть все, что угодно, не только деньги, пища, предметы, но и самые сокровенные мысли, даже те, что скрыты от самого себя: таковы тайны «прочтения» души предсказателями, лжестарцами, гадалками, т.н. «житейскими» психологами и учителями.

Казалось бы, акцептор в симбиотической связи имеет только неоспоримые преимущества, однако практика показывает обратное.

Когда акцептор и донор образуют ССД, акцептор получает возможность организовывать свое поведение энергетически дешевым способом — за счет использования центра торможения донора. Длительное пребывание в составе этой пары приводит к возникновению патологий и акцептора, и донора. У акцептора вырождаются доминантные центры торможения, постепенно вырождаются человеческие качества, которые определяются тормозными центрами, формируются аномалии личности. У донора возникают соматические заболевания, извращается самосознание, снижается уровень мышления, он истощается и, в крайних случаях, погибает.

Фактором, усиливающим глубину симбиоза, является состояние дистресса у донора. Акцептор обычно является человеком с нарушенными границами личности и с ненасыщаемой потребностью к симбиозу. Эта потребность обеспечивается определенными действиями, вызывающими дистресс: скрытым и явным насилием, устрашающим поведением, проявлениями гнева, раздражения, грубости и пр. Конечно же, акцептор все это делает неосознанно, делает потому, что однажды уже создалась связь между подобными действиями и обретением желаемого состояния. Здесь начинает работать механизм формирования личностных аномалий — сдвига мотива на цель, описанный Б.С. Братусем [1988, с. 175-193]. Если вначале мотивом являлось поддержание симбиоза, а целью — создание дистресса посредством насилия, то вскоре мотивом становится собственно стрессирование, оно обретает форму черт характера — гневливости, властности, склонности к насилию. По существу, в таком понимании много общего с учением святых отцов Церкви о страстях и порабощении ими человеческой души.

Богиня Кали (продолжение)

Очень скоро домашним стало понятно, что мать обладает не просто тяжелым характером, но дело обстоит гораздо серьезнее. Она раздавала всем близким пожелания, от которых холодный ужас вползал в сердце. Во время обострения язвенной болезни внука она, разглядывая его лекарство, сказала: «Лечись, не лечись, а все равно помрешь». Невестке однажды пожелала, когда та уходила на работу: «Чтоб ты не возвратилась». Подобные пожелания произносились ею не в состоянии аффекта, как это иногда бывает во время бытовых ссор, а как бы между прочим, спокойно, и повторялись по нескольку раз. Однажды она настойчиво просила внука сказать отцу, что тот скоро умрет, а так как внук отказался это сделать, то сказала сыну об этом сама. Позже она неоднократно и с особой настороженностью спрашивала у невестки, не заболел ли сын. Именно тогда сын начал худеть и отказываться от пищи.

Наконец, жена сына несколько раз наблюдала у свекрови странные, ни с чем не сравнимые приступы возбуждения, которые всегда были со-

пряжены с очередным известием о болезни кого-либо из членов семьи или с ожиданием какого-либо несчастья. Ее начинало трясти, голос становился торжественным, глаза словно наливались свинцом. У невестки это вызывало ощущение липкой грязи, мерзости, неопишуемого ужаса. Впервые после приезда этот приступ случился, когда муж задержался на работе на незначительное время, а свекровь начала вслух высказывать предположения о том, что с сыном стряслось что-то нехорошее. Она быстро распялялась и вдруг вспомнила, что утром по местному радио передавали сообщение о том, что в одном из городских дворов найден труп мужчины. Свекровь сказала, что это он — ее сын; при этом ее затрясло в возбуждении, торжественный вид словно говорил: «Наконец-то это случилось, я дождалась!». Невестка, словно под воздействием этого возбуждения, начала звонить во все отделения милиции и морги, навводя справки. Позднее она объясняла, что сама не знает, почему поддалась эмоциям свекрови и не сообразила, что радиопередача, которую слушала свекровь, звучала утром, когда муж только-только ушел из дома, живой и невредимый.

Сына, в конце концов, спасло то, что мать временно забрала к себе ее дочь, живущая в другом городе. А через год сын смог прийти в себя и научился строить свои отношения с матерью (не без помощи психотерапевта) уже не как ребенок, а как взрослый человек.

Рассмотрим подробнее различные варианты тех случаев, когда ССД становится механизмом насилия и принудительной жертвенности.

Автоматизированное подчинение в симбиозе

В этом случае работает схема 4 симбиотической сопряженной доминанты, которая обеспечивает возможность акцептору осуществлять организацию рефлекторных дуг донора.

В экстремальных ситуациях похищения, допросов, обработки в сектах уровень стресса жертвы катастрофически возрастает, происходит возрастная регрессия, взрослый человек превращается в психологического младенца, включается и начинает работать инфантильный механизм симбиотической сопряженной доминанты. Схемой автоматизированного подчинения ССД можно объяснить «стокгольмский синдром» — объединение жертвы с террористами в инфантильную симбиотическую сращенность. Теперь любой психологический «взрослый» является родным, близким, даже если он наказывает, бьет, угрожает. Поэтому жертвы защищают насильников и обеляют их перед властями.

Жертвы находятся под воздействием иррадиации торможения — отсюда покорность и отсутствие собственных целей, связанных со спасением, попытками освободиться и пр. Их поведение рефлекторно, желания задаются центрами возбуждения симбиотической сопряжен-

ной доминанты, принадлежащими насильникам — последнее объясняет случаи, когда заложники помогают насильникам противостоять властям, чувствуют себя членами их преступной группы, даже пытаются заслонить их собой во время штурма. Этим же обуславливается стремление заслужить похвалу террористов, опередить их приказ.

Аффилиация и, как следствие, глубина, устойчивость инфантильной симбиотической доминанты специально усиливается у допрашиваемых и подследственных различными приемами и методами [Исаев, <http://www.privatelife.ru/2004/0s04/n9/3.html>; Отмани, <http://www.tyurtm.net/vytext/life/009.htm>]. Они были известны и насильникам в советских застенках, известны и современным палачам. В настоящее время разработаны технологии пыток, которые, несмотря на запрет, были зафиксированы в 150 странах мира, в том числе и демократических. Так, манера и время проведения ареста рассчитываются таким образом, чтобы он стал полной неожиданностью для задерживаемого и причинил ему максимальный психологический дискомфорт. К иным способам давления относятся: временное лишение света, пищи, воды или сна, принуждение к пребыванию в неудобной позе, дезориентация во времени, назойливое задавание бессмысленных вопросов, словесные угрозы, быстрая смена температуры в камере. Агенты ЦРУ используют для допроса лиц, подозреваемых в терроризме, метод «stressandduress». Подозреваемых избивают, заставляют их долгое время находиться в маленьких помещениях, где нет возможности вытянуться во весь рост, заклеивают им рот липкой лентой. В Ираке арестованных специально подготавливали к допросам, лишая их одежды — для приверженца ислама, которому предписано максимально прикрывать тело, это страшное потрясение. Показания, получаемые под пытками, крайне недостоверны, так как жертвы говорят то, что от них хотят услышать насильники, а не то, что было на самом деле.

Особенно интересно в нашем контексте то, что во время допросов могут использоваться приемы, возвращающие допрашиваемого к его детскому опыту, то есть стимулирующие временную возрастную регрессию. К примеру, ему говорят: «Ты на самом деле хороший мальчик», «Все мальчики делают это» и т.д. Талибов, находящихся на базе в Гуантанаме, приносят на допросы в носилках. Путешествие на носилках заставляет арестованного подсознательно ощущать себя ребенком в люльке. Здесь мы имеем прямую иллюстрацию того, как инфантильный механизм ССД жертвы целенаправленно активизируется профессиональными насильниками, которые, собственно, и не выполняют в этом случае никаких жестоких действий, но добиваются своего.

Заторможенность и апатия (ингибция) в симбиозе

Феномен заторможенности и апатии (схема 5) наблюдается на допросах, которые проводятся следователями, имеющими субъективную склонность к инфантильному симбиозу, или специально обученными такой технологии, которая обеспечивает установление симбиоза между следователем и подозреваемым. Жертва практически всегда находится в состоянии дистресса, который целенаправленно усиливается различными приемами, о которых уже шла речь, поэтому она легко и быстро входит в симбиотическую сращенность с мучителем. Сознание жертвы в этом случае находится под воздействием иррадиации торможения, мысли замедленны, воля подавлена, он с трудом может двигаться, находясь как будто под тяжелой плитой. Для данного состояния характерна активация энграмм памяти, поэтому допрашиваемый вспоминает все подробности события, о котором его спрашивают. Кроме того, характерно «принудительное дарение», неодолимая потребность отдавать все, что требуется насильнику, то есть, в ситуации допроса, информация, которую допрашиваемый может сообщить. Утаить что-либо он не в силах.

Скрытые насильники и их жертвы в искаженной религиозной жизни

Религиозная жизнь, как и любая другая, сложна и опасна, в ней есть множество подводных камней. Один из них — неверное понимание принципа послушания, которое влечет за собой потенциальную возможность образования симбиотических связей. Авторитетный знаток искажений религиозной жизни святитель Игнатий Брянчанинов писал о послушании: «Напрасно Ваше желание — находиться в полном послушании у опытного наставника. Этот подвиг не дан нашему времени. Его нет не только посреди мира христианского, нет даже в монастырях. Умерщвление разума и воли не может быть совершаемо человеком душевным, хотя бы и добрым и благочестивым... Отцы признавали «послушание иноческое» особенным даром Святого духа... Послушание — «чудо веры!» Совершить его может один Бог. И совершили его те человеки, которым дан был Богом дар свыше. Но когда люди захотят собственными усилиями достичь того, что дается единственно Богом, тогда труды их суетны и тщетны... по наружности они как будто совершают добродетель, а в сущности находятся в горьком обмане, слепоте и самообольщении, подчинены страстям своим, исполняют волю бесов. И многие думали проходить послушание, а на самом деле оказалось, что они исполняли свои прихоти, были увлечены разгорячением...

О слепых вождях и водимых ими сказал Господь: «Слепец же слепца аще водит, оба в яму падут» [Мф. 15: 14] [свт. Игнатий Брянчанинов, 1995, с. 442].

В этом случае акцептору даже нет необходимости трудиться над тем, чтобы вызывать дистресс у желающего быть под послушанием или обольщать его: он сам захотел быть жертвой обмана. Здесь решающую роль играет состояние духовной «прелести», т.е. самообольщения, самообмана, когда человек приписывает себе высокие духовные качества. Псевдодуховник в симбиозе может быть желающей стороной, а несовершенно духовное чадо — исполнителем (схема 4). В этом случае донор-послушник выполняет все, что нужно акцептору-духовнику. В дальнейшем акцептор, если регрессия у него углубляется, обычно переходит к схеме 5: духовник-акцептор активен, его работоспособность повышена, так как поддерживается тормозной доминантой донора, который подавлен иррадиацией торможения, часто болеет, тает на глазах и т.п. Обычно такие псевдодуховники интуитивно стремятся увеличить эффект прибавления сил за счет расширения сферы своего влияния, роста количества «чад».

В одной из религиозных книг есть повествование о старце, который народом был чтим, но у которого случалось много конфликтов с монастырским начальством. Народ считал, что начальство организовало несправедливые гонения на старца.

Когда в молодости он пришел в монастырь и выразил желание стать монахом, то настоятель, известный своей прозорливостью, не захотел его брать. Пришлось идти в другой монастырь, но там повторилась та же история, и тогда он долго плакал перед братией и умолил их, чтобы они посодействовали его принятию в монастырь.

Став монахом, он был под послушанием старца, и очень быстро, еще в молодости, обрел «чудесные дары», особенно предсказания, исцеления, изгнания бесов и дар слова, действовавшего на других, за что и приобрел большую известность в округе. У него постоянно было несколько десятков учеников, которых он держал в большой строгости: они много занимались тяжелой работой, очень строго постились, жили в келье, полной клопов и блох, так что заснуть в ней можно было только в состоянии крайнего утомления. Старец так же, как и ученики, строго воздерживался в пище, много физически работал, мало спал, но всегда был бодр и здоров, лицо его было полным и даже румяным.

Ученики же его умирали рано и очень часто — более ста человек из них он похоронил собственными руками, хотя местность считалась здоровой, и в том же монастыре у других старцев ученики молодыми не умирали. Ученики много раз просили его о смягчении устава, но он не шел на подобную меру. Среди учеников случались возмущения, они уходили от старца, жаловались начальству. Старец долго упорствовал, но однажды как будто «смирился», стал давать некоторые послабления

больным и немощным. Но зато теперь, если кто-либо из учеников собирался его покинуть, то он говорил ему: «Готовься через несколько дней». И через несколько дней ученик умирал.

Из наблюдений психолога

Настоятельница женского монастыря недавно (лет 5–6 назад) пришла «из мира» после церковного развода с мужем. По тому, как она ведет дела, общается, держит себя, видно: она — хороший организатор. Но последнее часто предполагает и некоторый момент эксплуатации других, если человек не является истинно духовным. Настоятельница умело управляет монахинями, что внешне выглядит очень благопристойно, но опытный глазстораживает явное манипулирование подопечными и умение справиться с непослушными. Из-под церковной благообразности нет-нет и «вылезают уши» светской ловкости и психологической виртуозности. А еще она иногда «слегка» нарушает монастырский устав, например, раздевается в присутствии монахинь и трудниц, навязывает им близкие бытовые отношения, глубоко личные, интимные темы для разговоров, чем смущает наиболее опытных из них.

В монастыре работает молодая девушка, стирающая белье. Она с раннего детства живет вместе с матерью при монастырях и знает, что послушание — главная добродетель, поэтому очень старательна. Она буквально зачарована настоятельницей, в ней — вся ее жизнь. Когда настоятельница нет в монастыре, она сумрачна, тревожна и беспокойна. Когда та приезжает — появляется сильное возбуждение, которое потом сменяется привычным рабочим состоянием, главной характеристикой которого можно назвать душевное оцепенение: душа засыпает, а тело привычно выполняет трудовые действия. При этом девушка буквально истаивает на глазах. У матери появилось интуитивное подозрение, что дело может закончиться плохо: однажды ее дочь просто не проснется. А еще мать почувствовала, что причина — в нездоровых отношениях настоятельницы и девушки. Между ними вроде бы и нет «ничего такого», но что-то неуловимое, неправильное, искаженное — есть. Если бы мать знала психологию, то она сказала бы — это со-зависимость, или симбиоз, и такое состояние, действительно, может привести к самым тяжелым последствиям, в том числе и к смерти девушки.

В качестве комментария к последним двум случаям приведем слова святителя Игнатия Брянчанинова: «Те духовники похвальны, которые приводят не к себе, а к Богу» [свт. Игнатий Брянчанинов, 1995, с. 211].

В современной России, возрождающей религиозную жизнь, существует серьезная опасность — вместо духовно совершенных смиренных людей нашим идеалом, примером для подражания, образцом религиозного воспитания может стать жертва симбиоза, человек, предрасположенный к духовным повреждениям. О симбиотической жертвенности можно говорить как о реактивной, инфантильной,

рабской, извращенной любви, любви без свободы, которая затрудняет наш путь к Богу — «Вы куплены дорогою ценою; не делайтесь рабами человеков» [1 Кор. 7: 23].

Наконец, перед нами встает вопрос о том, все ли люди в критической, экстремальной ситуации неодолимо «опускаются» на уровень симбиоза со всеми вытекающими отсюда последствиями, то есть становятся скрытыми насильниками или жертвами принуждения? Христианская антропология отвечает, что так бывает с людьми духовно несовершенными, с теми, у кого нет смирения, для кого удар по самоуважению в результате унижения, насилия над ними является катастрофой, крушением мира. Этот вывод подтверждает и психология. В угрожающей ситуации, чтобы не допустить снижения самоуважения, жертва включает психологические защитные механизмы, один из которых — возрастная регрессия, обеспечивающая чувство снятия ответственности. В результате переживание утраты самоуважения блокируется. Регрессия приводит к активации симбиоза, который определяет в дальнейшем регуляцию поведения. Это касается как жертвы, так и насильника, потому что у палача, террориста, мучителя не меньше причин снять с себя ответственность.

С психологической точки зрения насильник (или скрытый насильник) и его симбиотическая жертва — это люди с аномальными личностями, у которых доминируют самые нижележащие уровни смысловой сферы сознания³. Чем более иерархизирована смысловая сфера сознания человека, тем более устойчивым он может оказаться к соблазну стать насильником или жертвой. С этой точки зрения антитезой насилия являются истинные христианские любовь и свобода, а антитезой симбиотической, принудительной жертвенности является истинное смирение.

С позиции психологии развития насилие и принудительная жертвенность — это проявления инфантильности. Но инфантильность, как мы убедились, это не «недоразвитие». Это отнюдь не зеленый плод, но продукт уже перезревший, испорченный. Симбиотическое насилие — это не недоразвитая любовь, любовь «от плоти и крови»; оно иррадирует разложение, распад, тление. А принудительная жертвенность — это извращенное смирение: то, что внешне на него похоже, но обладает совсем иными свойствами.

³ Здесь используются уровневая теория личности Б.С. Братуся [1988 и другие работы этого автора], а также работа М.Н. Мироновой [2003, с. 26-73].

Вопрос о том, насколько каждый из скрытых насильников в симбиозе ответственен за то, что он делает, остается для нас открытым. Только Всевидящий Господь воистину знает, для кого насилие является свободным выбором, а кто из скрытых насильников получил его как семейное наследие и действует, все еще не ведая, что творит; кто из жертв насилия оказался в этом положении непроизвольно, из-за слишком неблагоприятных обстоятельств жизни, а кто — по своей душевной лени. «Весы у Бога». Наше дело — каждому в свою меру, стремиться к истинным свободе, любви, смирению, и, если на этом пути возникают препятствия в виде наших несовершенств, устранять их познанием себя и устремлением в «град воздержания», в «град научения», в «град опыта» [прп. Максим Исповедник, 2004, с. 403].

ЛИТЕРАТУРА

- Агаджанов В.В. Сущность «стокгольмского синдрома» // Психология экстремальных ситуаций. М., 2008.
- Андрей Лоргус, свящ. Православная антропология. М., 2003.
- Братусь Б.С. Аномалии личности. М.: Мысль, 1988.
- Епифанович С.Л. Преподобный Максим Исповедник и византийское богословие. М.: Мартис, 1996.
- Игнатий Брянчанинов, свт. Собрание писем. М.; СПб., 1995.
- Игнатий Брянчанинов, свт. О прелести. СПб.: Шпиль, 1996.
- Иоанн Дамаскин, прп. Точное изложение православной веры. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2007.
- Исаев В. Признание под пыткой. <http://www.privatelife.ru/2004/0s04/n9/3.html>
- Максим Исповедник, прп. Избранные творения. М.: Паломник, 2004.
- Миронова М.Н. О сопряженной доминанте как основе механизма симбиотической связи // Вопросы психологии. 1998. № 6.
- Миронова М.Н. Построение лестницы развития/регрессии в христиански ориентированной психологии // МПЖ. 2003. № 3.
- Отмани А. Опыт пыток. <http://www.tyurtm.net/vytext/life/009.htm>
- Поршнева Б.Ф. О начале человеческой истории. М.: Мысль, 1974.
- Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Психология человека. М.: Школа-Пресс, 1995.
- Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Психология развития человека. М.: Школьная пресса, 2000.
- Соколова Е.Т. К проблеме психотерапии пограничных личностных расстройств // Вопросы психологии. 1995.
- Ухтомский А.А. Избранные труды. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978.
- Фромм Э. Душа человека. М.: Республика, 1992.
- Фромм Э. Человек для самого себя. М.: Республика, 1993.
- Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: Республика, 1994.

About violence and compulsory sacrifice in the secular and religious life

M.N. Mironova

In article one of possible approaches to a violence problem reveals: the attitude is that the violence reason contacts a phenomenon of infantile symbiosis, in particular, with the symbiotic interfaced dominant. The essence of a phenomenon of the interfaced symbiotic dominant is explained, illustrative schemes are resulted, operating modes of the interfaced symbiotic dominant in the course of normal development of the child and variants of the perverted work in case of infantile symbiosis are considered. Psychological descriptions of latent violence and compulsory sacrifice cases in a context of the offered approach are resulted. The religious aspect of a problem is mentioned.

Key-words: the infantile symbiosis, the interfaced symbiotic dominant, symbiotic sacrifice.

- Agadzhanov V.V. Sushchnost' «stokgol'mskogo sindroma» // *Psikhologiya ekstremal'nykh situatsii*. M., 2008.
- Andrei Lorgus, svyashch. *Pravoslavnaya antropologiya*. M., 2003.
- Bratus' B.S. *Anomalii lichnosti*. M.: Mysl', 1988.
- Epifanovich S.L. *Prepodobnyi Maksim Ispovednik i vizantiiskoe bogoslovie*. M.: Martis, 1996.
- Ignatii Bryanchaninov, svt. *Sobranie pisem*. M.; SPb., 1995.
- Ignatii Bryanchaninov, svt. *O prelesti*. SPb.: Shpil', 1996.
- Ioann Damaskin, prp. *Tochnoe izlozhenie pravoslavnoi very*. M.: Izd-vo Sre-tenskogo monastyrya, 2007.
- Isaev V. *Priznanie pod pytkoi*. <http://www.privatelife.ru/2004/0s04/n9/3.html>
- Maksim Ispovednik, prp. *Izbrannye tvoreniya*. M.: Palomnik, 2004.
- Mironova M.N. *O sopryazhennoi dominante kak osnove mekhanizma simbiotiche-skoi svyazi* // *Voprosy psikhologii*. 1998. № 6.
- Mironova M.N. *Postroenie lestnitsy razvitiya/regressii v khristianski ori-entirovannoi psikhologii* // *MPZh*. 2003. № 3.
- Otmani A. *Opyt pytok*. <http://www.tyurtm.net/vytext/life/009.htm>
- Porshnev B.F. *O nachale chelovecheskoi istorii*. M.: Mysl', 1974.
- Slobodchikov V.I., Isaev E.I. *Psikhologiya cheloveka*. M.: Shkola-Press, 1995.
- Slobodchikov V.I., Isaev E.I. *Psikhologiya razvitiya cheloveka*. M.: Shkol'naya pressa. 2000.
- Sokolova E.T. *K probleme psikhoterapii pogranychnykh lichnostnykh rastroistv* // *Voprosy psikhologii*. 1995.
- Ukhtomskii A.A. *Izbrannye trudy*. L.: Izd-vo LGU, 1978.
- Fromm E. *Dusha cheloveka*. M.: Respublika, 1992.
- Fromm E. *Chelovek dlya samogo sebya*. M.: Respublika, 1993.
- Fromm E. *Anatomiya chelovecheskoi destruktivnosti*. M.: Respublika, 1994.